

КІЕВСКАЯ СКАЗКА

ПРО

ДѢДА НЕУРОЖАЙКА

И

БАБУСЮ НЕДОИМКУ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Милымъ моимъ землякамъ.

ТРУДЪ и ИЗДАНИЕ КІЕВСКАГО КНИГОПРОДАВЦА,
Влад. А. Менчица.

КІЕВЪ.

ТИПОГРАФІЯ Е. Я. ФЕДОРОВА.

1876.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 30 марта 1876 года.

КИЕВСКАЯ СКАЗКА

Про дѣда „Неурожайка“ и бабуся „Недоимку“

Кому изъ Васъ, милые мои земляки, трапилось ¹⁾ на вѣку своемъ повстрѣчать дива та чуда такія: дѣдугана „Неурожайку“ и злющую его бабу „Недоимку“? Охъ, воля ваша! мои дорогіе, хотя и много на бѣломъ свѣтѣ всякой пакости, одначе хуже такой скверноты, какъ эти „Неурожайко“ и „Недоимка“, ничего кажется и быть не можетъ.

Господи, Господи святыи! Владыко Небесный! Подумаешь: чего только на бѣломъ свѣтѣ, та надъ бѣдными людьми, не водится... Такіе противные, такіе непріятные представились они мнѣ „Неурожайко“ и „Недоимка“, что и теперь этого плюгавства ²⁾

¹⁾ Пришлось, случилось, невзначай набрести.

²⁾ Мерзости, отврат. вещи.

забыть еще не могу... Отъ этихъ только, Неурожайка и Недоимки, отъ нихъ однихъ, сколько бѣды наберется человѣкъ, пока проживетъ свой вѣкъ не долгій. А всей бѣды, всего горя сколько?! Не одному изъ насъ, приходится сказать про себя и жизнь свою: на бочку дегтя одна, однимъ одна ложка меду, и то не ложка, а ложечка...

Пригода съ „Неурожайкомъ“ и „Недоимкой“ случилась мнѣ въ нашемъ таки селѣ „Вертикіївкѣ“.. Знали а можетъ слышали нашу „Вертикіївку“? Такъ себѣ, знаете, селячка, небольшое и не маленькое; видное ¹⁾ только: на горѣ стоитъ, и ставъ ²⁾ есть... А если станете подѣзжать къ селу, то будете объѣзжать гору со всѣхъ боковъ, станете крутиться ³⁾, а село то покажется, то сховается ⁴⁾ отъ васъ, и такъ вертится, что хоть кому станетъ досадно. И когда въѣдете, наконецъ, въ село что откуда то, вдругъ, къ вамъ возъ-

¹⁾ Замѣтное, открытое.

²⁾ Прудъ, запруда.

³⁾ Ъхать изворотами, извилинами.

⁴⁾ Спрячется.

мется, не вытерпите и непременно скажете: ну, село! справедлива „Вертикіївка!“

Выпала вся пригода ¹⁾ со мною подъ святой праздниѣ, подъ самого Ивана Купайла. Меня и еще одного наймита послалъ батъко на ночлегъ, съ волами и рабочими лошадьми. Пока то мы допхались ²⁾ по волѣ ³⁾ къ мѣсту, уже таки добре было поздно; думаю, перші півні ⁴⁾ скоро должны были заѣть. И ночь выдалась темная, мѣсяца на небѣ не было, не всходилъ. Съ нами и собачка побѣжала, „Черкасъ“, прозывался.

Пріѣхали это мы на облоги, ⁵⁾ попу-скали скотину, лошадей попутали, а сами приспособились подъ возомъ на ночлегъ.

Было не множокъ хмарно, боялись, чтобы и дождикъ не порскнулъ ⁶⁾. Я постлалъ не много сѣна, и какъ упалъ, такъ и заснулъ, какъ убитый, а наймитъ за скотомъ пошелъ.

¹⁾ Случайность, происшествіе необыкновенное.

²⁾ Доплелись.

³⁾ По маленьку, тихонько, шагъ за шагомъ.

⁴⁾ Первые пѣтухи.

⁵⁾ Облоги: низменность, долина луговая, съ окрестностями мелкаго лѣса...

⁶⁾ Порскнулъ: поросилъ, пустидся, помочилъ.

Не знаю, какъ долго я спалъ, и будто, мнѣ кажется, не спалъ даже совсѣмъ; только гляжу очами, глипнулъ ¹⁾ кверху, Господи, Боже мой, такъ и обмеръ.. И теперь, хотя и давно это было, и теперь страшно, да такъ, словно покинули меня почевать въ склепу, ²⁾ съ мертвымъ, у котораго, при жизни его, я позичалъ ³⁾ и не отдалъ гроши.

Вотъ, какъ я очнулся, кинувшись, стоитъ, духъ святыи при насъ, стоитъ, говорю, опудало ⁴⁾ надо мной. И такое оно, что и сказать нельзя, какое страшное. Стоитъ и сопеть. Кругомъ ни духа, стихилось ⁵⁾ все въ мірѣ, какъ въ ухѣ, одинъ я самъ, и опудало со мной. Сердце въ грудяхъ колотится, словно выскочить хочетъ, мертвая дрожь всего меня прохватила. А опудало насовуется и насовуется ⁶⁾... Боже мой! что тутъ его на свѣтѣ робить ⁷⁾.

¹⁾ Глипнулъ—бросилъ глазами.

²⁾ Склепъ—кирпичный подвалъ.

³⁾ Позичалъ—занималъ.

⁴⁾ Опудало: страшилище, мара, навье.

⁵⁾ Притихло.

⁶⁾ Насовуется—придвигается.

⁷⁾ Робить—дѣлать.

Говорить это оно ко мнѣ: „знаешь меня? Я—Неурожайка, старый дѣдъ, а вотъ при мнѣ и баба моя, Недоимка!..“

Повелъ я глазами, присмотрѣлся, не множекъ какъ будто повиднѣло. Взаправду, такъ и есть, изъ Неурожайка, отъ его горба на спинѣ, чудомъ якимсь, и Недоимка опросталась. Уже двое стало.

Ну, думаю, хлопче! Пропадешь ты ни за собачу матірь. Перевелъ я духъ, языкъ помочилъ, что пересохъ было, и говорю еъ страшилищамъ:

Гдѣ же, панъ Неурожайка и вельможная пані Недоимка, гдѣ вы мешкаете, ¹⁾ и куда бредете, за чѣмъ на Васъ это синяки ²⁾ такіе на обоихъ?

Словно дохлая собака, Неурожайка прогнусявилъ:

„Живемъ, говорить, въ пьяной сторонѣ. Синяки у насъ, обоихъ, отъ того такіе, что противъ насъ пошли всѣ люди, и намъ приходится очень плохо. А прежде жилось куда

¹⁾ Мешкать—обитать, жить.

²⁾ Синякъ—ушибленное мѣсто на тѣлѣ.

лучше. Куда бы ни зашелъ, вездѣ мнѣ почетъ, приволье; въ прежнее время жилось такъ хорошо, гугнявилъ дѣдъ, что и жениться захотѣлось “

„А теперь гонятъ меня, бьютъ безъ пощады, товчуть ¹⁾ у всѣхъ народовъ, какъ тамана.“ ²⁾

„Въ Англію хоть и не показывайся. У Англичанъ такіе для меня кулаки, такая кулаками тѣми мнѣ лупка, по головѣ, хребтѣ и промежъ мягкихъ частей, что и вспомнить больно и тошно. Вдюжить это тебя, рыжебородый англикъ, желѣзными этими кулачищами, въ землю даже вклинитъ. Охъ, бьютъ тамъ, чтобъ имъ кости на рукахъ поломались.“

При этихъ словахъ, закашлялся дѣдъ, сталъ разглаживать синяки свои и тихо стоять: знать такъ у него тѣло разболѣлось.

„Вотъ, продолжалъ „Неурожайка,“ вотъ очень уже моимъ бокамъ стало накладно отъ англійскихъ сельскихъ хозяевъ, отъ ихъ

¹⁾ Товчуть: мнутъ бока, надаютъ кулаковъ.

²⁾ Таманъ—еврейскій обычай

немилосерднаго битья. Не втерпѣжъ пришлось, я и отсунулся отъ нихъ въ Ирландію. Такая сторона есть.

Въ этой Ирландіи, спасибо, ксендзы меня пригрѣли. Оттуда, распросивши путь, присталъ я въ Померанію и Мекленбургъ. Хорошо тутъ мнѣ жилось. Мужики пьютъ, евреи мнѣ помогали. Можетъ и дальше тутъ я пожилъ бы, да стало слышно, евреи евреямъ пишутъ, что у васъ на Русѣ, пошло крѣпко на выпивку. Я и сообразилъ, что у васъ, значить, на Русѣ, нашему брату Неурожайкѣ жить способно. Вотъ я и поволокъ къ вамъ, на Русь, залѣчивать ¹⁾ свои синяки. Рады не рады, а ужъ принимайте меня за гостя. Мѣсто ваше будетъ мнѣ знакомо: случалось, прежними временами—приходилось тутъ бывать, и жилось ничего, не извольте изобидѣть и теперь.“

А, цуръ вамъ, пекъ вамъ, панъ Неурожайка, отвѣтилъ я. Идите себѣ туда, откуда взялись, хоть къ Туркамъ, въ турецину, а не то, подѣ шумъ-головой ²⁾. Чтобы у насъ,

¹⁾ Заживлять.

²⁾ Въ пропасть.

на Руси, и духу вашего противнаго не пахло.

Сталъ я немного смѣлѣе, и думаю:

„Не напился ли мой дѣдъ? Давай спрошу у него, не выболтаетъ ли съ пьяныхъ глазъ, что у него на думѣ, и не скажетъ ли самъ на себя заклятiя какого, чѣмъ бы его проклясть можно, такъ чтобы истребить его со всёмъ, чтобы отъ него не было больше бѣды народу нашему, русскому?! И спросить бы его самого про его происхожденiе на свѣтъ: какъ и отъ кого онъ произошелъ?“

Собравшись съ духомъ, сталъ я къ нему говорить, хоть во рту такъ пересохло, что языкъ едва ворочался:

„Давно, старче, плентаетесь ¹⁾ вы по свѣту, какого вѣку—есте, и—кто ваши тато и мама?“ ²⁾.

„Э, хе-хе,“ зашипѣло ко мнѣ это чупирadlo, словно и говорить то ко мнѣ кожухъ³⁾:

„Матинка моя—Глупота, а батько—Скупердяка. Славные они у меня мои родители“.

¹⁾ Плентаетесь—шатаетесь, ходите, бродяжничаєте.

²⁾ Отецъ и мать.

³⁾ Кожухъ—тулупъ.

„Я ихъ почитаю, и теперь они еще живы. Какъ слюбились они, Глупота и Скупердяка, спарувались ¹⁾, выносили и вывели меня „Неурожайку“ на свѣтъ Божій. И вотъ вошедши въ силу, воспитавшись сталъ я похаживать, да между людей „Неурожаемъ“ быть. И чрезъ меня, и чрезъ родителей моихъ людямъ сытости не стало“.

„Спрашиваешь, гнусилъ дѣдъ далѣе, чѣмъ и какъ, какими заклинанiями извести меня, согнать со свѣта?!“ Долго люди не догадывались въ чемъ дѣло: по церквамъ предъ Богомъ проклинали батька моего Скупердяку, а мать Глупоту не трогали; оно и была бѣда на половину.

Теперь люди опаматовались, почали къ маткѣ моей, Глупотѣ, придиратся, да, на изморъ ее, Глупоты, школы строить. И съ той поры, какъ почались школы, отъ тѣхъ школъ пошли мнѣ горе и великая бѣда и тѣснота, да и стало такъ плохо, хочъ и духу пускайся“

„Кахъ, кахъ!“, и покатился мой Неурожайка: Ой, синяки—синяки мои! какъ они болятъ,

¹⁾ Спарувались—соединились..

послѣ желѣзныхъ англійскихъ кулаковъ. Ни чѣмъ ихъ и не загою ¹⁾. Кладу всякія масти, примочки; а про то кулакъ, какъ отпечатался на тѣлѣ, и мясо подъ нимъ какъ печеное.“

А долго еще вашего вѣку остается, долго будете надъ бѣднымъ народомъ знуцатись? ²⁾ спрашиваю я Неурожайка.

„Охъ, на концѣ видно, уже вѣку моего живу“, загнулъ въ отвѣтъ Неурожайка. Школы, школы, школы—вотъ моя пагуба, поперекъ горла стали—и дышать мнѣ неспособно. За мѣстъ дворцовъ моихъ: кабаковъ и всякихъ опивныхъ заведеній, школы людѣ устрояетъ, грамотность ширить. Вомѣсто моихъ пріятелей, шинкарей и сивухи, очищавшей землю отъ плода—пошли и размножились учителя и книги, а въ книгахъ тѣхъ проклятія матѣ моей, „Глупотѣ.“ Отъ учителей, книгъ, школъ, отъ всѣхъ этихъ моихъ супротивниковъ—бѣжишь, какъ отъ херувимскаго ладона. Гдѣ это несчастье развелось, въ ту сторону даже и не наворачивайся. Да вотъ

¹⁾ Загою—заживлю.

²⁾ Знуцатись—издѣваться.

горе, скоро и бѣжать то будетъ некуда. Повсюду, даже дикіе люди—озлились противъ матки моей Глупоты. Изморомъ: школами и учителями хотятъ ее, мать мою, Глупоту, извести. А за какую провинность—самъ незнаю.“

„Чѣмъ не житте ¹⁾“ темному челоуку?! шамкалъ далѣе плюгавый Неурожайка. Для темной головы, та дурного розуму, всегда ночь, дня—нѣтъ. Лежи себѣ, пока выдержатъ бока, спи, сколько здужаешь ²⁾; въ темнотѣ, что и не такъ сдѣлаешь—сойдетъ; темному какъ и слѣпому—все „нипочемъ“..

„И чѣмъ такая жизнь не жизнь, особливо коли подвыпить?!“ добавилъ Неурожайка И надъ чѣмъ ломать голову? Какъ на сердцѣ, отъ сивухи, свѣтло, а въ головѣ отъ дурного розуму—темно, тогда, такого челоука, ничѣмъ не разувѣришь. Что ни говори ему, а онъ все одно твердитъ: „хлѣба Богъ даетъ, уродить. Хлѣбъ самъ уродить, коли Богъ такъ захочетъ“

Вотъ бы такихъ людей, съ такими вотъ головами хотѣлось бы по больше, вздыхалъ Неурожайка.

¹⁾ Житте—жизнь, обстановка вся.

²⁾ Здужаешь—въ силахъ, въ возможности.

„А за мѣсто людскаго не умѣнья, русскаго „авось да небось“—что дѣлается? Сказать и то станетъ не ловко, чуть не плача говорилъ Неурожайка.

„Измѣняются совсѣмъ люди! Что грибовъ въ дождливое лѣто, столько школъ понастроивали; въ книжки и мужики заглядываютъ, да еще только хорошія изъ книгъ выбираютъ. Доучились, додумались, и про „уродить“, если и говорятъ, то съ прибавкой: „тому, кто самъ того хочетъ, чтобъ ему уродило.“ О, горькій—горькій мой часъ! И съ синяками, среди побоевъ и всякихъ колотушекъ, а все хотѣлось бы жить,“ стоналъ Неурожайка.

„Чего, именно, бажаете ¹⁾ вы?“ спрашиваю этого голодранца дѣда. „Бабѣ вашей и вамъ, что же милѣе всего?

„Жду не дожусь, а хотѣлось бы дожить, заоралъ Неурожайко, словно его оса укусила, чтобы на всемъ свѣтѣ лѣса извелись, и скотина вымерла, или извелась бы на шкуры. ²⁾ Этого только бы дождаться, ожилъ бы я тогда и надъ самыми школами—смѣялся бы“..

¹⁾ Бажаете—желаете.

²⁾ Шкура—кожа.

„Гдѣ, въ которой сторонѣ, стелется, между небомъ и землей, свѣжая листва густыхъ та большихъ лѣсовъ; гдѣ степи полны скотскаго духу—туда хоть и не показывайся нашъ братъ „Неурожайка“. Забьетъ дыханіе этой свѣжестью лѣсной и запахомъ скотскаго живота, и станетъ мнѣ тяжело, что совсѣмъ обезпамятѣешь, станешь какъ не живой.“

„Гдѣ шумятъ лѣса, скотъ стелетъ свой пометъ, въ чащѣ лѣсной, въ дубровахъ—раздается живой скрипъ деревъ, крахтятъ зеленныя ихъ вѣтви, а листва уносится вѣтромъ и устилаетъ собой землю—среди этой жизни я дурѣю и обмираю.“

„И полуживой, полумертвый—такъ лежу, пока пріятели мои, евреи, не вызволятъ меня изъ гроба и дадутъ мнѣ подмогу: изведутъ враговъ моихъ. Зеленый лѣсъ станетъ пеньками, ¹⁾ что торчатъ какъ чортовы—роги, а скотину потянутъ на костепальни сахарныхъ заводовъ. Чуть это я слышу герготанье пріятелей моихъ, евреевъ, обоняю сирадь отъ нечей, гдѣ горятъ кости скотины, что въ плугѣ ходила, снопы возила въ токъ

¹⁾ Пеньками—пнями.

этимъ запахомъ надышавшись — оживаю, ворущусь ¹⁾, какъ отъ живой и цѣлющей воды — раждаюсь новымъ, свѣжимъ, крѣпкимъ „Неурожайкомъ“.

„Родившись вновь, помолодѣю, гуляю какъ парень съ дѣвкой, и бѣда той землѣ, гдѣ я ожилъ, и всталъ отъ своего обморока, Глубоко закалываю все живое въ этой сторонѣ острыми своими зубами, всю харчъ земную какъ дикій вепрь съѣдаю, поѣдомъ ѣмъ, паломъ палю, пока лютость моя не изсякнетъ..., только подъ моей тяжелой пятой земля и люди стономъ стонутъ.“

„Царь Небесный! вскричалъ я. Богъ милосердный! вотъ теперь то достанется бѣдной моей родинѣ! Какъ разъ изводитъ она у себя лѣса, сжигаетъ древесную благодать въ печахъ сахарныхъ заводовъ; скотину голодомъ мордуетъ ²⁾ и кости ея испепеливаетъ въ казанахъ костепаленныхъ. Лѣса и скотъ — мучатся въ нашей сторонѣ въ огнѣ, какъ грѣшныя души въ пеклѣ. ³⁾ А послѣ нихъ и

¹⁾ Ворущусь — трогаюсь, шевелюсь.

²⁾ Мордуетъ — мучить.

³⁾ пекло — адъ.

людямъ такое же пекло настанетъ. О, Господи — Создателю! взмилуйся ты надъ ней бѣдной, стороной моей родной! Повели быти пророку, чтобы ослобонилъ лѣса и скотъ отъ пекла, а людей и землю отъ Неурожайки лютаго“!!

Разскажите же, дѣду, обратился я къ Неурожайкѣ, разскажите, я послушаю про ваши старые годы, какъ жилось вамъ въ старину, что вы такъ плачетесь и ремствуете ¹⁾ на наше время и — наши школы“?!

Нынѣшнее время?! прогнулъ Неурожайко. Что можетъ быть хуже нынѣшняго времени“?

Чѣмъ же оно хуже, и до такой степени, какъ вы говорите? спросилъ я, не помня себя отъ радости.

А какъ же иначе считать, гнулъ Неурожайка. Случись я гдѣ, хотя вотъ въ малой сторонѣ, будь это хоть одна ваша губернія, такъ вѣсть обо мнѣ пойдетъ по всей землѣ, до самыхъ краевъ ея; разстелется густымъ туманомъ по всей поверхности необозримой земли русской: И между баръ имениныхъ, и среди сѣраго простонародья; пріот

¹⁾ Ремствовать — плакаться, жаловаться

творить и зайдетъ въ двери тюремъ и воинскихъ казармъ. И отъ нея, отъ вѣсти этой обо мнѣ, всѣ, всѣ переполюшятся: и дѣти, и тѣ на меня нападутся.

И накинется это на меня людъ весь, отъ мала до велика, словно на лютаго звѣря; каждый несетъ и даетъ, чѣмъ бы покарать меня. Острожники, даже солдаты отказываются отъ своего пайка, всюду собираются брохи. Смотрите, нанесутъ столько, соберутъ такія суммы, что, глядишь, вся моя работа ни къ чему не привела. Даже мнѣ, Неурожайкѣ, станетъ стыдно, глядя на такое дружное участіе къ неурожайной округѣ. Какъ—же не плакаться на такое время“!..

„Въ старину, продолжалъ Неурожайка, было, по этой части, со всѣмъ не такъ, за прежде была мнѣ роскошь: гдѣ хочешь, тамъ и заводись своимъ дѣломъ, никто мѣшать тебѣ не станетъ.

Бывало это я властвую въ Москвѣ, а въ слободской украинѣ, сѣверской землѣ хлѣба немолоченнаго цѣлыя скирды; самы хозяева о хлѣбѣ томъ не вѣдаютъ, на верху скирдъ

бурьянъ,¹⁾ какъ лѣсъ, стоитъ. Вотъ какое было время. Душу людей въ одной сторонѣ голодомъ, а по сосѣдству хлѣба такое многое множество, что и дѣваться съ нимъ не знаютъ куда. И душишь, вотъ, людей голодомъ, какъ мухъ.

Вспоминаю своѣ походы, гнусавилъ Неурожайка. Въ 1024-мъ году я это вкочился въ русскую землю. И натворилъ же я тогда, и понадѣлалъ роду людскому на руси бѣдъ!! До того довелъ эту сторону, что рѣзали, изъ нужды та лютой голодовки, женщинъ и—старую прислугу.

Переходя иѣкоторое время, ополчился я опять все противъ той же русской земли, и въ нѣкоторыхъ ея областяхъ такая мука была людямъ, что отъ бѣды та голодной нужды убивали своихъ родныхъ.

Въ 1092 г. уже понапустился я на многія области, и были людямъ всѣ ужасы голодной смерти.

Въ 1128 году опять была отъ меня, Неурожайки, страшная голодная смерть—повсюду.

Отъ тяжкаго усилія, какъ бы поерѣче

¹⁾ Бурьянъ—сорные злаки.

сжать людей, ради отдыха, сталъ я послѣ 1128 года уже съ промежутками работать. Именно:

Въ 1279 году—душилъ Русской земли многія области.

Въ 1309 сотворилъ во всей русской землѣ гладъ крѣпокъ.

Въ 1570 году пронесся опустошеніемъ и смертью по всей русской землѣ, и въ тотъ добрый для меня годъ много людей перемерло.

И покорялись мнѣ тогда всѣ и все: и смерды и воеводы. Однихъ монастырей нельзя было укусить: камнемъ, та божьей милостью огородились. И чего—чего въ то глухое время люди не дѣлали?! И все себѣ, и своимъ приснымъ; подчинялись всѣмъ ужасамъ голодной смерти, а меня—не трогали, противъ меня не соединялись, сопротивляясь моей желѣзной силѣ въ одиночку.

Я это замѣтилъ и такъ приспособился, что въ каждые двѣнадцать—тринадцать лѣтъ нападалъ на людей и мучилъ русскую землю.

Вотъ и вышло отъ меня, Неурожайки, на русскую землю, въ двѣнадцатомъ вѣкѣ

по Рождествѣ Христовѣ, за круглые сто лѣтъ времени цѣлыхъ восемь голодухъ.

Въ тринадцатомъ (XIII) вѣкѣ, за такія же сто лѣтъ, выпущено на пагубу русской земли тоже восемь голодовокъ.

Въ четырнадцатомъ (XIV), опять за точно такое же время, въ теченіи ста лѣтъ было сѣмъ разъ голодное бѣдствіе.

За двѣсти лѣтъ пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣковъ (XV и XVI) нападалъ я на русскую землю въ каждые сто лѣтъ по восьми-разъ, а во всѣ двѣсти лѣтъ высылалъ шестнадцать голодовокъ губить племя русское.

И вспомнить это время—пріятно, даже помолодѣешь и оживешь. Это разойдешься, разлутуешься, обнимешь желѣзнымъ кольцомъ область, а то и цѣлую округу, по всей землѣ пустишь моръ, и летитъ смерть шибкимъ полетомъ. Подъ нею згибаются люди, какъ на нивѣ колосья созрѣвающей пшеницы. И исчезаютъ съ лица земнаго роды цѣлые, тысячи семей, цѣлыя поколѣнія. По костямъ человѣческимъ, какъ по покосамъ свѣжей травы, ходишь, бывало. Вотъ это было вре-

мячко, вотъ это были добрые для меня, Неурожайки, года.

А теперь, при нынѣшнихъ людяхъ и порядкахъ скрадываешься, всяческія подходы прибираешь, только бы провести тѣхъ, кто на сторожѣ стоитъ. И не всегда успѣваешь. Ни оттуда, ни отсюда и стрясется надомною цѣлая погоня; досмотрятся, что мой слѣдъ пошелъ въ русскую сторону, и учнутъ тогда по тѣмъ моимъ слѣдамъ гвалтовать, да такъ, что, за общей дружной помощью и околѣешь, замрешь.

„Всей мнѣ поживи въ нонѣшнее время, гдѣ нибудь въ безвѣстной глуши. Какую нибудь хиленькую деревеньку, гдѣ нибудь въ Бѣлоруссіи или Смоленской губерніи, подцѣпишь, попримешь. Да и тутъ, чуть разлутуешься, позапустишь въ живаго человѣка когти—глядь и тутъ на тебя накинута каліе то люди отъ земства.“

Неурожайка умолкъ. Въ эту минуту, пронесся, мимо, свиснувъ крыльями, пугачъ ¹⁾. Въ кустахъ заклекоталъ бусель ²⁾, на рудѣ ³⁾

¹⁾ Пугачъ—филинъ.

²⁾ Бусель—анѣтъ.

³⁾ Руда—торфяное болото.

заквакали, загоготали лягушки; какъ будто засѣрѣло отъ тѣней приближающагося свѣта утренняго. Страшилища: Неурожайка и Недомка стали мѣняться, повысохли, совсѣмъ—совсѣмъ сократились, отъ слабости къ землѣ припали.

Что такое съ вами? удивленный, спрашиваю. Что за причина къ вамъ, что дѣется съ вами?!

„Охъ, простонали обое: Неурожайка и Недомка; охъ, лютый нашъ часъ надходить, вотъ, вотъ къ намъ святость близится. О, тяжело—тяжело! вытянули они обое.. Это,.. это, стонали страшилища, это... воздѣлъ къ Богу руки Печерскій Схимникъ. Всю ночь онъ стоялъ на молитвѣ и заступається предъ престоломъ божіимъ за русскую землю. Это тяжелѣйшая для насъ обоихъ—година..“

По его молитвамъ, Господь ума посылаетъ людямъ, а землѣ плодущую силу. И борются противъ насъ: земля—за людской родъ, изводя изъ своихъ нѣдръ живую людямъ силу; а—умъ, по тому уму, по его внушенію, люди измышляютъ на пагубу нашу всякія средства, и приборы.

„Вотъ умомъ своимъ, посланнымъ имъ отъ Бога и понаходили люди многое, многое худое противъ насъ, прогнусавила уже Недоимка, а Неурожайка со всѣмъ затихъ.

„Прежде, противъ меня, Недоимки и мужа моего, Неурожайки—люди прежде держали громадскіе токи, съ общественнымъ хлѣбомъ. Выкрутятся кто отъ Неурожая, запутается, какъ муха въ паутинѣ, въ Недоимкѣ. Последняго кожуха снимутъ, остатняго хвоста сведутъ со двора, еврею за безцѣнъ отдадутъ. На токи напустишь бывало мышей, а коль скоро избыліе хлѣба и мыши не смогутъ, тогда, за мышами, евреевъ.

Какъ разъ какъ хлѣбъ понадобится—хлѣба въ токахъ не найдутъ. Одно слово не боялись мы токовъ тѣхъ, и нищили людей, какъ сами знали. За рубль мой, Недоимочный, плюндрували ¹⁾ хозяина, иной разъ, до останку, такъ что вырвется отъ меня голый и босый, съ голодной семьей и, какъ рыба, что сорвется съ удки, и съ загарачу въ неводъ въ самый куль, такъ и хозяинъ—

¹⁾ плюндрували—раззоряли.

отъ меня въ кабакъ, а съ кабака коль въ старці, ¹⁾ то еще хорошо, а то украдетъ коня, та на краденномъ, со всѣхъ ногъ, въ острогъ, а въ острогѣ уже ему и аминь. А я, Недоимка, ажъ за бока берусь, та реготомъ ²⁾ регочусь.

„А теперь пустили люди въ ходъ умъ. За послѣднее время, стали учреждать сельскіе банки, ссудныя товарищества, сберегательныя кассы. Вотъ и пришлось мнѣ, Недоимкѣ, тутъ зацѣть—заголосить.

„Дѣйствительно, тѣми банками хорошо вспомошествоуютъ. Достанутъ хлѣба по дешевой цѣнѣ, подушное заплатятъ, не отдавая ростовщику послѣдней свиты, помогутъ хозяину подняться послѣ несчастнаго года. Противъ такихъ орудій дешеваго вспомошествованія народу: сельскихъ банковъ, ссудныхъ товариществъ, сберегательныхъ кассъ дѣйствительно нельзя ничего подѣлать. Ни мышей, ни евреевъ нельзя на нихъ напустить.

При этихъ словахъ, Недоимка замахала руками, схватившись за косы, сбила на бокъ

¹⁾ Старці—нищіе.

²⁾ реготь—хохотъ.

съ головы своей хустку, ¹⁾ и разразилась старушечьими, словно гусака сычить, проклятіями. А на небѣ все свѣтлѣло, все прояснялось, ставало на свѣтъ благословиться.

Охъ, сельскіе банки, заголосилъ въ свою очередь, Неурожайка, охъ, эти товарищества, гдѣ землѣпашецъ, чтобы онъ ни былъ, крестьянинъ, дьячекъ, солдатикъ, вольно-живущій въ селѣ, шляхтичъ, вдова попадья, гдѣ весь этотъ людъ, нуждающійся въ деньгахъ по осени когда хлѣбъ дешевъ, а деньги нужны для уплаты мірскихъ, земскихъ, выкупныхъ, оброчныхъ, казенныхъ и всякихъ другихъ, что сходятся въ одну пору, въ Октябрѣ и Ноябрѣ, платежей и податей, чтобы могъ перехватить въ такое время нѣсколько десятковъ рублей и продержаться продажей своего добра до лучшихъ цѣнъ, выждать подходящаго времени, хоть довесны!! Въ нихъ, банкахъ этихъ, и будетъ могила родителямъ моимъ: Скупердягъ и Глупотѣ, а безъ нашихъ отца и матери и мы обое не страшны“..

Заступается, подумалъ я, заступается

¹⁾ Хустка—платокъ.

Господь, чрезъ Святыхъ своихъ изъ русскихъ людей, за нашу русскую землю и народъ православный.

Разсвѣтало, виднѣлось, на свѣтъ благословилось. Чудища, такъ меня угнѣтавшія, Неурожай и Недоимка стали зникать, уходя въ даль отъ свѣтлѣвшаго дня. И поволоклись, потянулись въ ранней предразсвѣтной мглѣ, и Неурожайко и его поганая баба, Недоимка.

Чуть отступили они отъ меня, я скорѣе, чѣмъ дужь бѣгомъ, да швиденько, къ своей худобѣ ¹⁾. Прибѣжалъ, весь трушусь, а наймитъ мой лежитъ кверху животомъ, въ ямку голову положилъ, и еще жаба на самую грудь ему вскочила.

Разбудилъ я наймита, солнечный лучъ прорѣзался; и мана ²⁾ моя, Неурожайко и Недоимка сгинули изъ моего сознанія. Я перекрестился. По лѣсу застонало, пошла луна ³⁾ по облогамъ, въ гушавинѣ дерево гнулось и скрипѣло, какъ отъ вѣтра. До слуха

¹⁾ Худоба—рогатый скотъ.

²⁾ Мана—очарованье.

³⁾ Луна—эхо.

моего доходило какъ будто изъ земли, какъ будто выпиралъ кто изъ себя звуки:

„О, горе—горе намъ: Неурожайкѣ и Недоимкѣ. Стали люди заботиться о скотѣ и за сѣянную траву! Перестали и недаютъ евреямъ правъ на торговлю водкой!. Быть можетъ умудрятся и скоро перестанутъ лѣса пустошить!. Каждый мужикъ можетъ знать сколько прійдется ему платить, рассчитываетъ время, и не застанешь его съ недоимкой въ распахъ. На случай недостачи, дадутъ въ сельскомъ банкѣ денегъ, позикой повѣрятъ. Больше не понадобится снимать съ него или съ жены его послѣдніе свиту или козуха, для заставы ¹⁾, ростовщику.. Горе—горе! придеть послѣдній нашъ часъ“!!

И разнеслись эти разговоры, гуломъ загудели, по всему хутору. Вороны снялись съ вѣтвей дерева и каркая, летѣли клевать оставленный ими вчера трупъ. Наша собачка тоже стала обгызаться, а до сего была какъ неживая, только скимлетъ, ¹⁾ та жалобно воетъ.

На душѣ у меня, при начавшемся днѣ,

¹⁾ Застава—залогъ.

²⁾ Скимлетъ—жалуется.

совсѣмъ полегчило. Изнемогши, я заснулъ, та до поздняго обѣда и проспалъ. Проснулся весь въ мокромъ поту, какъ будто тяжелую—тяжелую работу я кончилъ.

Хотя все это и давно случилось, а вспомнить и теперь станеть на душѣ не весело и не ловко. Да что и говорить, встрѣча съ такой бѣдой, какъ Неурожайка—Недоимка хоть кому нагонить не веселыя думки.

На Бога, иначе, надежда, Господь милостивъ! Слышно, какъ мужики—сѣрый народъ обѣлятся—тогда въ конецъ сгинуть съ земли и Неурожайко—Недоимка, и Глу пота—Скупердяка. Подождемъ, пока все это случится., а, полагать должно, что это непременно такъ и будетъ, что сѣрый народъ обѣлится... И зналъ даже я таковского, обѣлившагося, мужика, что обернулся на Пана. И затѣмъ, съ мужикомъ этимъ, послѣ того какъ онъ обернулся на Пана, такое случилось, что цѣлая вышла исторія, которую если хотите, я расскажу, а вы, будьте ласковые ¹⁾, послушайте:

¹⁾ Ласковые—добрые, расположенные.

КІЕВСКАЯ СКАЗКА

про

Бѣднаго мужика, обернувшагося Паномъ; какъ
сталъ онъ за тѣмъ жить и что съ нимъ слу-
чилось и—со всего этого что вышло?...

18 Марта 1876 года.

г. Кіевъ.